

АНДРЮС
МАРЦИНКЯВИЧЮС

СОЦИАЛЬНАЯ
АДАПТАЦИЯ
И ИДЕНТИЧНОСТЬ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЛИТВЫ В 1918–1940 гг.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная адаптация и идентичность русских в межвоенной Литве является мало исследованным аспектом литовской историографии. Гораздо больше внимания в научной литературе уделялось анализу культурной деятельности русской интеллигенции, а также истории и традициям русских религиозных (православной и старообрядческой) общин. Следует отметить, что исследования подобной тематики в Литве стали возможны после снятия политических и идеологических ограничений, от которых зависела научная деятельность в советский период. С другой стороны, у многих русских в силу деятельности Саюдиса, восстановления государственности Литвы и в конечном итоге развала в 1991 г. Советского Союза появилась потребность переосмыслить свою идентичность и отношения с литовским обществом, а также приспособиться к статусу этнического меньшинства. Наверно не случайно возрос интерес к фрагментам истории, которые не только отличали русских от литовского населения, но и к аспектам общей истории. В частности также пришлось вернуть из забвения память о деятельности русских в межвоенной Литве.

Исследования таких ученых как Юрий Новиков (Новиков 1992, 1999, 2005), Наталья Касаткина (Kasatkina 1994, 2001), Григорий Поташенко (Поташенко 2001, 2003, 2006), Павел Лавринец (Лавринец 1999, 2001, 2008), Валерий Чекмонас и Надежда Морозова (Чекмонас, Морозова 1997) открыли много неизвестных фактов из прошлого русской общины. Их работы стали отчасти ориентиром для русских в поиске путей конструирования идентичности в современном обществе Литвы. Истории Православной церкви в Литве посвящены работы некоторых литовских историков (Marcinkevičius 2003, Marcinkevičius, Kaubrys 2003, Laukaitytė 2003). Много внимания уделяется исследованиям истории русских в

Статья ранее опубликована в независимом научном журнале *Диаспоры* под названием «Социальная адаптация русских в межвоенной Литве (1918–1940)» (2011, № 1, 121–151). В настоящей версии сделаны поправки и дополнения.

Каунасе, который стал с 1920 по 1940 гг. важным культурным центром старожильского русского населения и эмигрантов из Советской России (Ковтун 2003, Lasinskas 1996, 1998, 2006; Laukaitytė 2010). Появилась также монография, посвященная анализу социальных аспектов положения русских в межвоенной Литве (Kasatkina, Marcinkevičius 2009).

Сохранившиеся источники (архивные документы, пресса, статистические издания и др.) межвоенного периода помогли не только ученым, но и нынешним русским жителям Литвы в целом расширить понимание того, как их соотечественники появились в Литве, и убедиться в долговременности исторических связей между русскими, литовским государством и обществом. Но нужно также заметить, что идеологические образы, помогающие этническим группам в ходе социальной адаптации строить идентичность «своих» и «других», часто являются селективными и отражают слишком упрощенные или даже искаженные характеристики. Об этом свидетельствует также многовековой опыт отношений между русскими и литовцами. Литовцы в разных исторических источниках навязывают русским образ чужих, приписывают им культурную отсталость и аморальность. Хотя в то же время они подчеркивают исключительную толерантность литовцев к представителям других этнических групп. Русские же часто строят свою идентичность, исходя из истории походов славянских князей в земли балтов в XII–XIII вв. или распространения монахами и князьями православия в Великом княжестве Литовском.

Двадцать с лишним лет развития государственности Литвы является достаточным отрезком времени для критической оценки различных стереотипов, а также для анализа социальной адаптации русских на других началах. Тем более что спад волны национализма начала 1990-х годов позволяет исследователям сосредоточиться на проблемах не только культурной, но и социально-экономической жизни. Анализ социальной адаптации русских в межвоенной Литве на таких началах может оказаться весьма полезным в строительстве идентичности нынешней русской общины, поскольку дает возможность учесть исторический опыт, малоизвестный до сих пор не только литовцам, но и самим русским. При этом необходимо осмыслить в ходе этого анализа ситуацию не одного какого-то сегмента, а внутренние отношения между разными сегментами русского общества и внешние связи его с литовским обществом.

Подобный подход к изучению социальной адаптации и идентичности русских в межвоенной Литве особенно важен потому, что в центре внимания находится этническая группа, уже состоявшая к тому времени из представителей разных миграционных потоков. Из-за последствий разных политических, эко-

номических и культурных перипетий эти люди сильно различались между собой по своему гражданскому и юридическому статусу, религиозной принадлежности, а также по уровню образования, профессиональным и языковым навыкам, мотивам и стремлению к адаптации в обществе независимой Литвы. Более пристальное внимание к таким аспектам позволяет переосмыслить давние стереотипы и говорить о существовании разных целей и ожиданий у этнического большинства и этнических меньшинств в ходе социальной адаптации.

Цель настоящей статьи – рассмотреть и оценить основные аспекты социальной адаптации русских в межвоенной Литве. В частности, в статье затрагиваются аспекты демографической ситуации русских, проблемы образования русских на родном языке и интеграции их в рынок труда, а также оценивается влияние общественных организаций на ход социальной адаптации и идентичность русских. При подготовке статьи были использованы данные из документов Литовского центрального государственного архива (далее – LCVA), опубликованных источников и периодических изданий. Статья также опирается на научную литературу Литвы и других стран.

ДЕМОГРАФИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ПОТОМКОВ СТАРООБРЯДЦЕВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ДО ЭМИГРАНТОВ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Важным фактором, влиявшим на ход социальной адаптации и идентичность русских, следовало бы назвать их численность. Русские в Литве были небольшой по сравнению с соседними странами Балтии и очагами белой эмиграции (Чехословакия, Франция, Бельгия и т. д.) общиной. По данным всеобщей переписи населения Литвы 1923 г., всего в стране (без Вильнюсского и Клайпедского краев) проживало 50460 русских. Они составляли четвертую по величине этническую группу Литвы, уступая в процентном соотношении (2,5 %) литовцам (83,9 %), евреям (7,6 %) и полякам (3,2 %) (*Lietuvos gyventojai 1925: XXXVI*). Стоит отметить, что после присоединения к Литве в 1923 г. Клайпедского края с многочисленным немецким населением русские по численности и процентной доле оказались на пятом месте.

Абсолютное большинство русского населения (82,2 %) проживало в сельской местности. На территории межвоенной Литвы существовали русские села, которые были основаны самими крестьянами или при поддержке государственных органов власти еще во времена Великого княжества Литовского и Российской

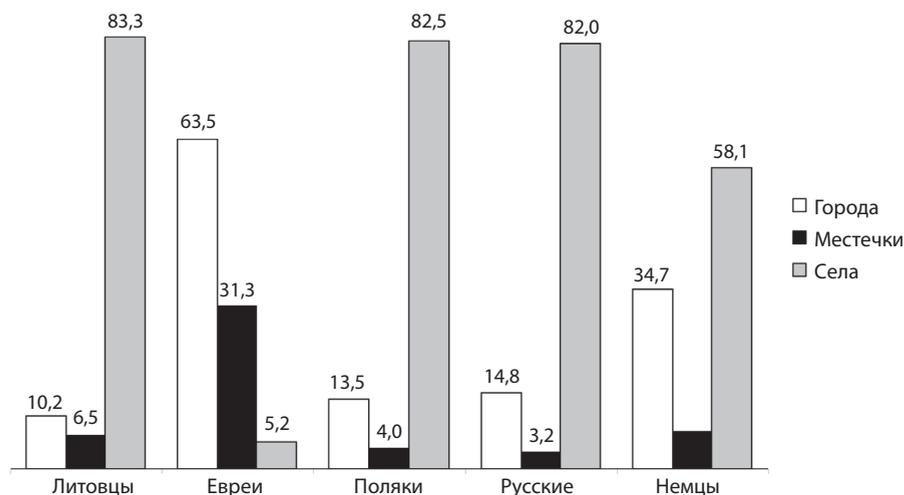

РИСУНОК 1. Распределение этнических групп Литвы по месту жительства в 1923 г.

Источник: *Lietuvos gyventojai 1925: XXXVII*.

империи. Самой высокой долей русских среди всего населения отличались северо-восточные уезды, в том числе Зарасайский (15,4 %), Рокишкский (6,6 %) и Утенский (4,5 %), а также Каунасский (5,8 %) уезд в центральной Литве. Причем в отдельных волостях этих уездов русские составляли от одной пятой до трети всего населения. Между тем доля русских в городах Литвы достигала 14,8 %. В Зарасай этот показатель составлял 18,9 %, Укмерге – 5,2 %, Йонаве – 3,7 %, Паневежисе – 3,3 %, Каунасе – 3,2 %, Расейняй и Юрбаркасе – по 2,5 %. Однако в городках с населением до 2000 жителей доля русских (3,2 %) была самой низкой среди всех этнических групп (*Lietuvos gyventojai 1925: XXXVI*) (см. рис. 1).

Оценивая ход социальной адаптации русских в Литве, важно не только обратить внимание на данные переписи как таковые, но и учитывать, как эти данные воспринимались русским населением. На основе сохранившихся источников можно утверждать, что это восприятие было связано с ощущением больших человеческих потерь. Причем эти потери считались фактором, сильно осложнившим социальную адаптацию русских не только в количественном, но также и в качественном отношении. Неслучайно известный русский общественный деятель Литвы Александр Тыминский (1884–1959) с сожалением писал, что в начале Первой мировой войны «русское чиновничество, домовладельцы, помещики, ремесленники, лица свободных профессий, все то, что составляло интеллигенцию, отхлынуло из Литвы, и многие уже не вернулись обратно, будучи

задержанными революцией и новой политической обстановкой» (Тыминский 1931: 1).

Однако литовское общество, которое со второй половины XIX в. преследовало цель создать свое национальное государство, такие потери среди русского населения оценивало как логические последствия развала Российской империи. От переписи 1923 г. литовцы ждали результатов, подтверждающих, что они составляют большинство населения и являются истинными хозяевами страны. Пребывание многочисленных этнических меньшинств и групп мигрантов на территории Литвы не отражало их интересов. Например, в инструкции Центральной комиссии по проведению в Литве всеобщей переписи от 23 июля 1923 г. местным отделениям предписывалось тщательно провести отбор заведующих ими и переписчиков, чтобы этнические меньшинства не пытались завысить число своих членов (LCVA, f. 1381, ap. 1, b. 113, l. 41).

В итоге данные переписи населения Литвы 1923 г. отражали число русских, имевших литовское гражданство. Остальные были причислены к категории неграждан или «иностранцев». Их национальность вообще не указывалась. Эти русские в каком-то смысле остались «невидимыми» для литовского общества. Например, при необходимости решать проблемы и учитывать потребности русского меньшинства правительство принимало во внимание лишь число граждан¹. Вот что писал по этому поводу министр внутренних дел Литвы Раполас Скипитис, занимавший эту должность в 1920–1922 гг.: «Нам казалось, что иностранцы, которые почти все были другой национальности, составляют угрозу для безопасности нашей страны. С другой стороны, в первые послевоенные годы нас донимала нехватка продовольствия, поэтому каждый чужой рот был нежелательным. Я ощущал эту чуткость нашего общества и довольно скупой выдавал разрешения на проживание в Литве для иностранцев. И все равно то от одного, то от другого общественного деятеля должен был выслушивать упреки за мягкость по вопросу допущения иностранцев» (Skipitis 1961: 229).

Таким образом, конструирование этнической композиции населения в ходе переписей в значительной степени зависит от политики и идеологии каждого

¹ По данным Каунасского отделения нансеновского комитета по делам беженцев, в Литве численность людей «без гражданства», среди которых скорее всего преобладали русские, в 1929 г. составляла 10 604, в 1932 г. – 6234, в 1935 г. – 5451, а в 1937 г. – 5199 человек. (Статистические сведения ... 1937). Однако исследования историков показывают, что в первое десятилетие государственности Литвы число этих беженцев составляло примерно от 2 до 4 тыс. (Kasatkina, Marcinkevičius 2009: 61). К категории «иностранцев» часто причислялись люди, приехавшие жить в Литву из оккупированного Польшей Вильнюсского края (Laukaitytė 2010: 32).

государства. Русские в межвоенной Литве, оперируя данными Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., чаще всего не учитывали, что эта перепись существенно отличалась по своей методике от переписи населения Литвы 1923 г. Как верно заметил в одной из своих работ известный российский историк и антрополог Валерий Тишков, для переписчиков в Российской империи не существовало такой категории, как самоидентификация, а население государства не знало, что такое национальность. В графах переписи 1897 г. указывался родной язык индивидов, что позже стало основанием для реконструкции этнического состава населения Российской империи. По словам того же В. Тишкова, часто не учитывается, что «русский» в XIX в. и «русский» в XX в. различались так же, как и содержание этнонима «татарин». Причем русскими в Российской империи могли считаться все, говорившие по-русски и исповедовавшие православие (Тишков 2003: 189–190). Литовское общество довоенной и межвоенной Литвы, в отличие от русских, скептически оценивало российскую перепись 1897 г. по политическим соображениям. Численность литовцев (в том числе и жмудинов) в «литовских» Виленской, Ковенской и Сувалкской губернии считалась намеренно заниженной, а русских – завышенной (Rimka 1918: 33).

Основным фактором, определявшим этническую принадлежность индивидов в ходе переписи 1923 г., была самоидентификация. Поэтому весьма условным является утверждение А. Тыминского, что «из ста пятидесяти тысяч русских, обитавших на территории нынешней Литвы, вернулась едва треть» (Тыминский 1931: 2). В данном случае необходимо выяснить, что подразумевалось под этнонимом «русские» в Российской империи. Как известно, в имперской статистике XIX в. в качестве «русских» чаще всего определялись три восточнославянские группы (великороссы, малороссы и белорусы). В статистике межвоенной Литвы уже наблюдались отдельные категории русских, белорусов и украинцев. Необходимо учитывать, какие из этих категорий отбирались для сравнения количественной динамики русских в Литве в период с 1897 до 1923 г. С одной стороны, отсутствуют надежные источники, указывающие на факторы или мотивы, которые влияли на самоопределение русских межвоенной Литвы в вопросе о национальности. С другой стороны, нам известно, что в русской общине были представители разных миграционных потоков. Следовательно, есть основание предполагать, что «русскость» для них необязательно означала единое понимание значения русского языка и культуры, истории России, связи с Литвой и исторической родиной и т. п.

Одним из крупных старожильческих сегментов русской общины Литвы были потомки старообрядцев, бежавших от никоновских церковных реформ из Российской империи в Речь Посполитую со второй половины XVII в. до кон-

ца XVIII в. Благоприятными факторами для иммиграции старообрядцев стала терпимость здешнего общества к их религии и обрядам, а также экономические интересы литовских и польских помещиков (Поташенко 2006: 143, 162). Образ старообрядцев был весьма положительным в Речи Посполитой из-за отсутствия у них политических и экономических амбиций. По данным переписи 1923 г., в Литве проживали 31778 русских старообрядцев, которые составляли 63,0 % всего русского населения, имевшего гражданство страны (*Lietuvos gyventojai 1925: XXXVI*). Они сохранили в межвоенный период не только свою конфессионально-этническую самобытность, но и имели самостоятельную церковную организацию, в которой насчитывалось 50 с лишним приходов (Поташенко 2001).

Вторым крупным старожильческим сегментом среди русских были мигранты и потомки мигрантов, поселившиеся на территории «литовских губерний» с середины XIX в. до начала XX в. Многие из этих мигрантов служили в армии и государственном аппарате Российской империи. Однако после восстаний 1831 и 1863–1864 гг. губернские власти также поощряли колонизацию сельской местности русскими крестьянами, включая как православных, так и старообрядцев (Vėbra 1990). Они пользовались льготами при трудоустройстве или приобретении земельного имущества, но не ставили себе целью познать местную культуру или адаптироваться в местном обществе. Для их нужд в городах и поселках открывались православные церкви и русские школы. Поэтому в самосознании литовского общества межвоенной Литвы была еще свежа память о навязывании им со стороны русских чужого языка, культуры, веры и т. п. (Kasatkina, Marcinkevičius 2009: 64–66).

Еще одним своеобразным сегментом русской общины стали представители белой эмиграции. Многим из них балтийские государства казались привлекательными как временное убежище от режима большевиков. Белоэмигранты, в отличие от старожильческого русского населения, своим долгом считали участие в созидании будущей, освобожденной от большевиков России. Среди них было много людей, получивших хорошее образование, с профессиональным опытом и т. п. Большинство из этих беженцев исповедовали православие. Подобные факторы влияли на формирование соответствующего образа белой эмиграции во многих странах Европы. Однако Литва оказалась среди стран Восточной Европы, которые переживали волну национализма. Эти страны, в отличие от Франции, Чехословакии или Королевства Сербии, Хорватии и Словении, весьма скептически относились к судьбе русских беженцев (Раев 1994: 35–36). Вследствие подобного отношения в Литве существовал скромный очаг белой эмиграции.

ИНТЕГРАЦИЯ РУССКИХ В РЫНОК ТРУДА: ФАКТОРЫ УСПЕХОВ И НЕУДАЧ

Успех социальной адаптации русских во многом определял их статус на трудовом рынке. По данным переписи населения Литвы 1923 г., 78,5 % экономически самостоятельных членов общины занимались сельским хозяйством. Доля русских в промышленности составляла 7,5 %, на государственной службе – 3,2 %, в торговле – 0,8 %, на транспорте – 1,1 %, в «других сферах» – 8,9 %. В том числе хозяевами числились 28,7 %, работающими членами семьи – 55,5 %, служащими – 3,7 %, рабочими – 25,6 % (см. табл. 1) (*Lietuvos gyventojai* 1925: LX). По процентной доле в сельском хозяйстве, на государственной службе и транспорте русские мало отличались от других этнических групп (лишь евреи составляли 6 % всех сельских работников). В промышленности русских опережали евреи (22 %) и немцы (17 %). В торговле среди всех этнических групп страны явно доминировали евреи (30 %) (см. рис. 2).

ТАБЛИЦА 1. Русские по сферам социальной занятости в 1923 г.

Сферы занятости	Хозяева		Работающие		Служащие		Рабочие		Всего
			члены семьи						
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Сельское хозяйство	5471	972	4706	10772	15	1	2429	2070	26436
Промышленность	465	48	229	227	25	7	1254	280	2535
Транспорт и сообщение	23	–	4	–	94	20	192	21	354
Торговля	66	27	4	17	54	18	66	19	271
Государственная и общественная служба	95	39	–	–	741	118	63	21	1077
Другие источники существования	65	1242	22	487	5	1	527	654	3003
Всего	6185	2328	4965	11503	934	165	4531	3065	33676
Всего (%)	72,7	27,4	30,2	69,9	85,0	15,0	59,7	40,4	100,0

Примечание. Во время переписи 1923 г. в эту статистику попали «самостоятельно живущие». «Несамостоятельно живущих» в Литве насчитывалось 16757 лиц, а живущих за счет неопределенных источников – 27.

Источник: *Lietuvos gyventojai* 1925: 295.

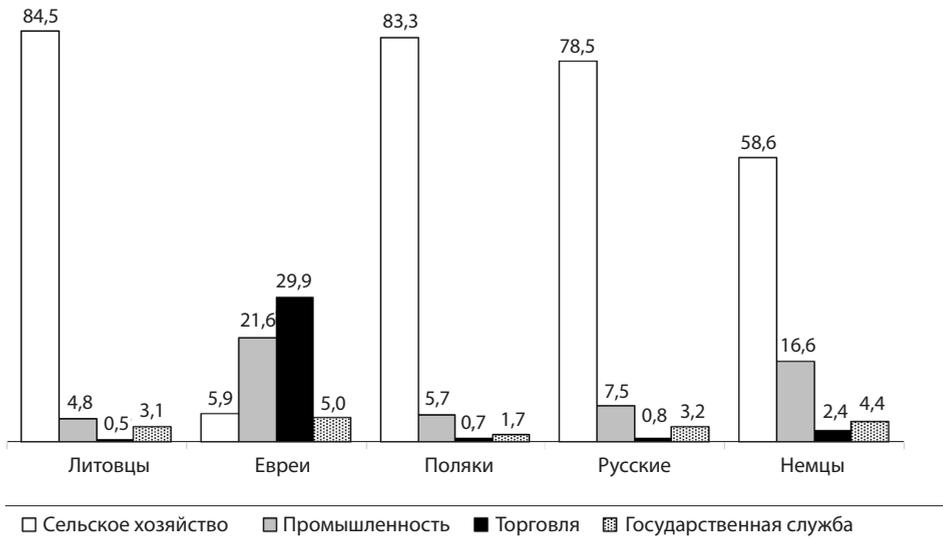

РИСУНОК 2. Распределение этнических групп Литвы по сферам трудовой деятельности в 1923 г. (%)

Источник: *Lietuvos gyventojai 1925: LX*.

Важную роль на трудовом рынке играли интересы литовского общества. До Первой мировой войны в городах Литвы доминировали евреи, немцы, поляки или русские, а литовцы в большинстве своем составляли сельское население. Нехватка собственных интеллигентов и специалистов высокой квалификации оставалась острой проблемой и в первое десятилетие развития независимой Литвы. Но именно это обстоятельство позволило представителям этнических меньшинств и мигрантам применить свои навыки в разных сферах трудовой деятельности. Русские стали востребованными работниками в различных учреждениях, на государственных и частных предприятиях. Они устраивались как в сфере умственной (служащие, офицеры, судьи и адвокаты, учителя, художественная интеллигенция, инженеры и т. п.), так и физической деятельности (рабочие заводов и фабрик, строители, работники транспорта и т. п.) (Kasatkina 1994; 2001).

Для представителей белой эмиграции страны Восточной Европы в экономическом плане были менее привлекательными, чем индустриальные регионы Западной Европы. Например, Франция, Германия или Чехословакия нуждались в дешевой рабочей силе для возрождения разрушенной в ходе войны промышленности. В Литве, не считая сельского хозяйства, более развитой была лишь легкая

и пищевая промышленность. Кроме того, в Литве существовала узкая сеть культурных и научных учреждений, где мигранты могли поделиться своим опытом с местными деятелями. Поэтому Литва и другие страны Восточной Европы в каком-то смысле стала антиподом Чехословакии, где была реализована грандиозная программа по оказанию помощи русской эмиграции, вошедшая в историю под названием «Русской акции» (см. Раев 1994). Другими словами, экономическая и культурная провинциальность межвоенной Литвы способствовала трудоустройству лишь очень ограниченной части мигрантов.

Адаптацию русских старожилов облегчало обретение ими гражданства Литвы, но им часто не хватало интеллектуального потенциала для достижения желаемого статуса в обществе. Больше всего на ситуацию русских крестьян на трудовом рынке страны повлияла аграрная реформа 1922 г. Вследствие этой реформы без земельных участков или с сильно урезанными наделами остались не только крупные помещики (Зубовы, Нарышкины, Васильчиковы и др.), но и часть крестьян-колонистов. Земельная реформа нередко оценивалась ими как намеренное вытеснение русских с трудового рынка. Следует также заметить, что русские выделялись из всего населения Литвы наиболее высокой рождаемостью. В связи с этим крестьянам становилось все сложнее обеспечить работой всех членов семьи. Сельская молодежь искала работу в городах, однако люди пожилого возраста уже не хотели менять трудовую квалификацию (Kasatkina, Marcinkevičius 2009: 171–172).

Белоэмигранты чаще, чем представители русского старожильского населения Литвы, обладали хорошим образованием, но их трудоустройству на престижную работу за редкими исключениями мешал статус иностранцев. Многие из них были чернорабочими (Флейшман, Равдин 2007: 354–355). Им нужно было получить, а затем ежегодно продлевать временное разрешение от МВД Литвы на жительство и трудоустройство в стране. Важным для карьеры всех работников государственных учреждений постепенно стало знание литовского языка. Особенно в городах этот фактор стал сильно влиять на характер отношений с работодателями. Кроме того, с середины 1920-х годов для служащих государственных учреждений устраивались экзамены по литовскому языку. Хотя первая попытка сдать экзамен не была решающей, но провал при последующих попытках, как правило, означал для служащего потерю рабочего места (Kasatkina, Marcinkevičius 2009: 184–187).

В качестве примера того, чем занимались русские в Литве, из-за отсутствия более надежных источников может служить список учеников Ковенской (Каунасской) русской гимназии и профессий их родителей. В 1932 г. среди 133 фамилий отцов учеников были упомянуты 12 торговцев (9,0 %), по 11 домовладель-

цев и сельских хозяев (8,3 %), 10 служащих (7,5 %), 9 строительных подрядчиков (6,8 %), по 8 чиновников и инженеров-техников (6,0 %), 5 священников (3,8 %), по 3 рабочих, учителей и врачей (2,6 %). Среди матерей учеников значились 4 портнихи, 3 парихмахерши и 3 домохозяйки. Ввиду того, что учеба в этой гимназии была платной, в списке представлены более состоятельные сегменты русской общины (LCVA, f. 391, ap. 2, b. 519, l. 12–18). В целом же слой образованных людей среди русских был в несколько раз тоньше, чем в других этнических группах Литвы. Естественно, что инженерная или врачебная деятельность не могла иметь такого резонанса в обществе, как научные труды русских профессоров или театральные постановки балетмейстеров русского зарубежья.

С другой стороны, следует учитывать, что литовское правительство создавало прежде всего условия для подготовки и трудоустройства национальных кадров. Лишь нехватка таких кадров вынуждала нанимать на работу зарубежных специалистов. Примером подобной ориентации стала русская балетная труппа в Государственном театре в Каунасе (Николай Зверев, Вера Немчинова, Анатолий Обухов и др.) и ученые в каунасском Университете Витаутаса Великого (Лев Карсавин, Иван Лаппо, Павел Гронский, Василий Сеземан и др.). Однако с начала 1930-х годов этнические меньшинства и мигранты постепенно вытеснялись с государственной службы. Особенно мигранты оценивались как трудовая сила, отнимающая кусок хлеба у литовского населения². Многим из них пришлось искать работу в частном секторе. Хотя и здесь русским было сложно конкурировать с евреями или немцами, которые «монополизировали» торговлю и некоторые отрасли промышленности еще во времена Российской империи.

Важной причиной неудач интеграции многих русских в трудовой рынок следует считать самый низкий среди населения Литвы в целом показатель грамотности этого этнического меньшинства. По данным переписи 1923 г. лишь 38,4 % русских старше 10 лет были грамотными (т. е. умели писать и читать). Этот показатель был выше среднего лишь в Каунасе (69,0 %), Шяуляй (64,1 %), Паневежисе (52,4 %) и Укмерге (59,5 %), а также в Вилкавишкском (68,0 %) и Мариямпольском (64,4 %)

² В 1930 г. инженер Бронюс Гаршва писал: «Умственное наследие оставило нам после войны граждан бывшей России, которые, отрекшись от теперешней России, остались гражданами «без гражданства». Поскольку нет страны, которая должна была бы позаботиться об их судьбе, Литва обязана держать их у себя <...>. Появившиеся вследствие большого катаклизма, они [русские мигранты – А. М.] представляют собой временное явление, которому в недалеком будущем предстоит исчезнуть. Новых иностранцев данной категории, которые вновь были бы допущены в страну, следовало бы зачислить в другую категорию – тех, кто по экономическим соображениям прибывают в Литву зарабатывать здесь в сфере труда. Эта категория составляет наиболее нежелательную группу» (Garšva 1930: 5–6).

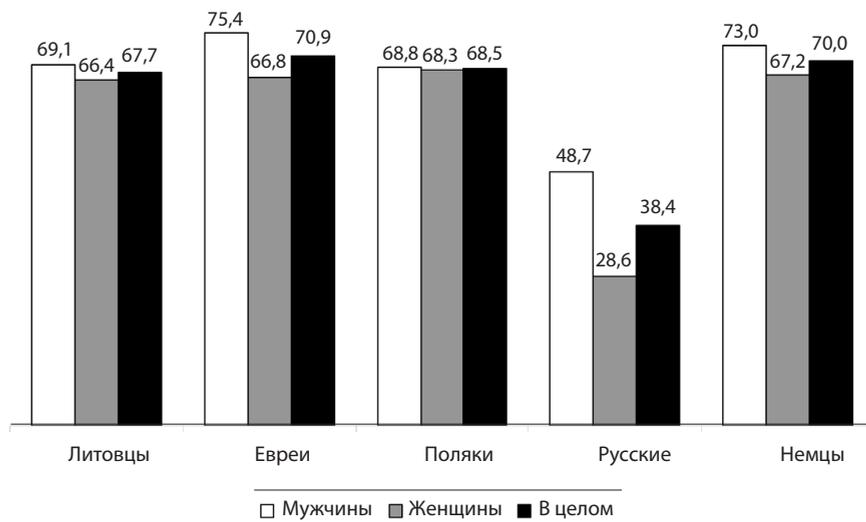

РИСУНОК 3. Этнические группы Литвы по уровню грамотности в 1923 г. (%)

Источник: *Lietuvos gyventojai 1925*: L.

уездах. Самой низкой грамотностью отличались русские в тех уездах, в которых преобладали старообрядцы. Так, в Рокишкском уезде умеющих читать и писать среди них было лишь 27,0 %, а в Зарасайском – 24,0 % (*Lietuvos gyventojai 1925*: 124–131). Показатели других этнических групп были выше почти в два раза. Кроме того, среди русских отмечалась значительная разница в показателях грамотности мужчин и женщин, которая составляла 48,7 % и 28,6 % соответственно. Между тем в остальных группах этот разрыв не превышал 10 % (см. рис. 3).

Неслучайно русские в межвоенной Литве соотносятся либо с личностями исключительного таланта, либо с неграмотной массой крестьян. Однако было бы более объективным говорить об успехах и неудачах интеграции русских в трудовой рынок. Очевидно, что с безработицей они сталкивались не только в поселках, но и в крупных городах, а наряду с бедными русскими крестьянами иногда встречались преуспевающие хозяева³. Неудовлетворенность трудовым статусом действительно стала поводом для миграции части образованных

³ В одной из русских газет так был описано имение состоятельного крестьянина: «Изредка встречаются в уезде примечательные имения. Примерно – Диделишки вблизи Абель. Владелец его Федот Феодорович Егоров человек русский, старообрядец. Деловой и трезвый он человек. И знают его далеко вокруг. Имение в 80 гектаров. Постройки почти все крыты жостью – большие, массивные. Сад на шести гектарах с большим прудом, с пчелами. Как-то погорел Буткунский храм – и Федот Феодорович помог его остроить, радел, жертвовал, много проявил энергии и деловитости, что в его натуре. Имение дорогое, благоустроенное» (Жуков 1937).

русских в крупные очаги белой эмиграции, а крестьян – в страны Южной Америки, Африки и даже в Советский Союз. Хотя известный парадокс состоял в том, что у многих крестьян не было средств на отъезд, что тоже способствовало росту среди них пессимистических настроений по поводу трудового статуса.

ОБРАЗОВАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НЕОПРАВДАВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ

Развитие русской школы ярче всего отражает различие между ожиданиями и реальностью, с которой столкнулись русские в ходе социальной адаптации в Литве. В юридическом плане все этнические меньшинства страны с 1918–1919 гг. получили право воспитывать детей на их родном языке. Русские общественные деятели оценивали национальную школу как инструмент сохранения культурной и конфессиональной идентичности, а также подготовки детей к самостоятельной жизни. Им не были свойственны стремления эмигрантской школы к подготовке молодого поколения для будущей, освобожденной от большевиков России. Хотя обе эти школы высказывались за сохранение этнокультурной идентичности детей. Эта цель вдохновляла русских учителей и общественных деятелей в Литве на создание школы, объединявшей приоритеты воспитания этнической и гражданской идентичности.

Наиболее благоприятные условия для развития сети русских школ существовали до государственного переворота 1926 г., пока правительство добивалось юридического признания от мирового сообщества, а также декларировало верность демократическим идеалам и осуществляло международные обязательства по охране прав этнических меньшинств. Обязанность развивать начальное образование легла на самоуправления и Министерство просвещения Литвы, хотя общественные организации также пользовались правом учреждать и содержать школы. Хотя следует признать, что самоуправления не располагали такими средствами, которые позволили бы учесть интересы всех общественных групп. Русским, в отличие от поляков или немцев, не приходилось к тому же ждать помощи от исторической родины. Большинство средних школ были частными, за исключением некоторых литовских гимназий.

Единственной средней школой с русским языком преподавания в 1920–1940 гг. была Ковенская русская гимназия Общества преподавателей. В гимназию поступали дети городских жителей (включая русскоязычных евреев) или состоятельных крестьян, поскольку учеба здесь была платной. Сеть начальных школ

была более развитой. Она испытала этапы расширения (1919–1927), стабилизации (1927–1929) и ликвидации (1929–1940). Например, в 1918–1919 гг. открылись 3 русские начальные школы. В 1921 г. всего их было 5, в 1923 г. – 9, в 1925 г. – 11, в 1927 г. – 16, в 1929 г. – 15, в 1932 г. – 7, в 1936 г. – 3, в 1939 г. – 4. В городах всего за межвоенный период открылось 11 русских школ, а в сельских местностях – 14, т. е. возможностей у деревенских детей по сравнению с городскими учиться на родном языке в принципе было меньше (Šetkus 2000: 23).

Возможности воспитания детей на родном языке в Литве были тесно связаны с отношением этнического большинства к самовыражению этнических меньшинств. В сфере просвещения интеграция меньшинств часто отождествлялась с ассимиляцией. По указу Министерства просвещения Литвы с 1925 г. школы этнических меньшинств было запрещено посещать детям из литовских семей. Это вело к сокращению численности детей в этих школах, а также дало повод для закрытия большинства из них. С 1927 г. прием детей в меньшинственные школы осуществлялся по записи о национальности в родительских паспортах. С 1936 г. состав учащихся этих школ, согласно мнению министерства, должен был быть моноэтническим. Если один из родителей был литовцем, то и дети должны были посещать непременно литовскую школу. Согласно законам страны, в 1922 г. хватало 32 детей, чтобы открыть меньшинственную школу. В 1939 г. эта норма была повышена до 50 детей. Такие ограничения не касались литовских школ (Šetkus 2000: 23–24).

В 1930-е годы правительство Литвы фактически оставило действовать только те начальные школы этнических меньшинств, которые посещало относительно много детей. В то же время здесь проводилась «литуанизация» воспитательного процесса. Сначала от учителей потребовали выучить литовский язык, потом – вести на литовском языке школьную документацию и, наконец, – преподавать часть предметов на литовском языке (Šetkus 2000: 24). Русские общественные деятели осознавали нужду в педагогических кадрах, способных преподавать на двух языках. Еще в 1926 г. директор Ковенской русской гимназии А. Тыминский пытался открыть курсы по подготовке учителей для русских школ, но его просьба была отклонена Министерством просвещения (LCVA, f. 391, ap. 2, b. 513, l. 192). Между тем в государственных семинариях учителя для русских школ не готовились.

Русские общественные деятели придавали большое значение религиозному воспитанию молодого поколения. По мнению православного духовенства, полноценное преподавание Закона Божьего было возможно только в русских школах, при условии уделения этому предмету достаточно времени. Вместе с тем

работа с большими группами детей в ограниченное время не давала ожидаемых результатов. Православное духовенство считало важным преподавание церковнославянского языка и церковного пения, но Министерство просвещения не было склонно к включению таких предметов в программу русских школ (Съезд русских учителей 1928). В результате в 1930-е годы некоторые дети уже испытывали языковые проблемы в восприятии богослужений. В связи с этими проблемами митрополит Литовской православной епархии Елевферий (Дмитрий Богоявленский) неоднократно обращался за помощью к правительству Литвы, но в итоге наталкивался на пассивную реакцию правительства, которая порождала среди русских разочарование в осуществляемой политике просвещения.

По данным Министерства просвещения Литвы, в 1932 г. русские школы посещали лишь 9,4 % всех русских детей школьного возраста (в 1936 г. – 5,9 %, в 1940 г. – 5,7 %) (Šetkus 2000: 24). Тем не менее было бы неверно возлагать ответственность за такие итоги лишь на правительство. Среди малограмотных крестьян, живших в сельских регионах, не осознавалась ценность просвещения детей как таковая. Наиболее активными в сфере просвещения были городские интеллигенты и православное духовенство. Многие из них стали участниками съездов русских учителей и деятелей просвещения, которые проходили в помещениях Ковенской русской гимназии в 1926 и 1928 гг. Участники этих съездов высказывали сожаление по поводу того, что русский быт и история России становятся все менее известны подрастающему поколению. Родители школьников призывались на борьбу с денационализацией. В ходе съездов были приняты решения поощрять в школах чтение русской классической литературы, а также уделять больше внимания выразительному чтению и правописанию. Считалось необходимым преподавание истории и географии России. Согласно постановлению одного из съездов с 1926 г. во всех в русских школах Литвы ежегодно проводился День Русской культуры, а также организовывались другие мероприятия (Тыминский 1928а; Тыминский 1928б).

Хотя русские интеллигенты приложили немало усилий, стремясь привлечь к решению проблем русских школ крестьян, рефлексия последних все же так и не оправдала ожиданий. Большинство крестьян были равнодушны к образованию детей, считая более целесообразным их трудоустройство с малолетнего возраста в сельском хозяйстве. Поэтому меры правительства по введению с 1928 г. обязательного начального образования имели большое значение для русских, хотя многим из них и приходилось посещать литовские школы. В 1930-е годы какая-то часть учеников из упраздненных русских начальных школ оказалась в так называемых русских классах, которые открылись в литовских школах. В этих классах препода-

давание предметов вначале велось на русском и литовском языках, а спустя пару лет дети переводились в литовские классы. Другая часть учеников посещала смешанные по составу литовско-русские школы, в которых начиная с первого класса все предметы преподавались на литовском языке. Среди русских общественных деятелей большую озабоченность вызывал тот факт, что в литовских и смешанных литовско-русских школах уделялось мало внимания предметам славистики. С 1936 г. русские в этих школах имели возможность учиться своему родному языку лишь при условии, что набиралась группа из не менее чем 20, а с 1939 г. – не менее 32 учеников. Вследствие этого у детей не только упал уровень владения родным языком, но и возникли проблемы при усвоении всего школьного курса.

РУССКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Если интеграция русских в трудовой рынок Литвы происходила в основном за счет индивидуальных усилий, то русские общественные организации предпринимали коллективные действия по повышению социального статуса всей общины или хотя бы отдельных ее сегментов. По подсчетам автора настоящей статьи, с 1920 до 1940 г. всего в государственных институциях страны было зарегистрировано 29 русских организаций (в Каунасе – 22, в других городах – 7). В 1923 г. их было 6, в 1926 г. – 10, в 1929 г. – 20, в 1932 г. – 22, в 1935 г. – 20, в 1938 г. – 18. Сеть русских организаций в большей мере охватывала города, где в аспекте социального статуса среди русского населения преобладали интеллигенты, а по религиозной принадлежности – православные. Вместе с тем следует отметить, что вклад старообрядческой общины в деятельность русских организаций был также весомым. Важным достижением этой деятельности следует считать именно сотрудничество православных и старообрядцев, а также русских старожилов Литвы и представителей белой эмиграции. Эмигрантской в прямом смысле этого слова именовалась лишь одна русская организация, учрежденная по рекомендации Лиги Наций, но мигранты участвовали и в деятельности и других русских организаций. К таким также следует отнести Объединение бывших служащих и инвалидов Российской армии, которое существовало до закрытия властями с 1919 по 1924 гг. (Laukaitytė 2010: 27)

Деятельность всех общественных организации Литвы регламентировал *Закон об обществах*, который был принят в двух редакциях. В редакции 1919 г.,

которая считается более либеральной, от организаций этнических меньшинств требовалось предоставление государственным институциям устава организации и связанного с ее деятельностью заявления на литовском языке. В редакции 1936 г. от них уже требовались сведения о составе членов, их национальности, гражданском и социальном статусе и т. п. Для членов правлений стало обязательным владение литовским языком как в устной, так и в письменной форме. Документы, оформленные не на литовском языке, считались не имеющими юридической силы (Andriulis, Mockevičius, Valeikaitė 1996: 257–261). Типология деятельности русских общественных организаций может быть лишь условной, по роду преобладающей деятельности, поскольку многие из них совмещали несколько видов деятельности. Особенно такое переплетение функций отмечалось в тех городах, где было всего по одной русской организации (Шяуляй, Паневежис, Укмерге, Зарасай). Судя по данным Министерства внутренних дел Литвы, из 29 русских организаций культурно-просветительскими считались 12 (41,4 %), благотворительными – 6 (20,7 %), экономическими – 4 (13,8 %), религиозными – 3 (10,3 %), организациями взаимопомощи – 2 (6,7 %), политическими и спортивными – по одной (3,6 %).

Культурно-просветительские организации преследовали цель сохранения идентичности русских в иной культурной среде и передачи национальных традиций юному поколению. Эта цель была самой универсальной, т. е. наиболее приемлемой для русских независимо от их социального статуса, времени проживания в Литве, политических убеждений, религиозной принадлежности и т. п. Посредством спектаклей, литературных вечеров, концертов народной и духовной музыки русские Литвы имели возможность по мере сил побыть среди «своих» и соприкоснуться с величайшими достижениями русской культуры. Влияние на самосознание русских старожилов Литвы оказывали популярные во всей тогдашней Европе русские эмигрантские праздники. Причем *День русской культуры* много лет проводился на сцене каунасского Государственного театра при активном участии русских артистов балета и драмы. Следует отметить, что это мероприятие охотно посещалось литовским обществом. Самым весомым достижением культурно-просветительских организаций стало сплочение русских для постройки собственного здания Ковенской русской гимназии. Эта гимназия с 1925 по 1940 г. являлась главным русским культурным центром страны (до 1925 г. помещения арендовались у одной из еврейских гимназий). Здесь не только собирались члены общественных организаций, но также проводились различные культурные мероприятия (концерты, выставки, лекции и т. п.), всеобщие съезды духовенства и мирян Литовской православной епархии.

Стремясь облегчить социальную адаптацию русских, в Литве плодотворно трудились русские благотворительные организации, взявшие под свою опеку наиболее уязвимых с социальной точки зрения членов общины. Хотя после Первой мировой войны многие русские оказались в трудном материальном положении, в особой заботе нуждались старики, тяжелобольные и инвалиды, а также осиротевшие в ходе войны дети. Средства для помощи этим людям собирались в виде пожертвований, уличных сборов, доходов от благотворительных мероприятий и др. С другой стороны, благотворительные общества, в отличие от культурно-просветительских организаций, объединяли русских исключительно по религиозному признаку. Наиболее развитой была сеть православных благотворительных организаций, насчитывавшая восемь обществ против одной старообрядческой. Особенно среди них стоит выделить *Ковенское женское Мариинское православное благотворительное общество*, у которого был хороший бюджет, и которое располагало детским приютом и богадельней для стариков. Оно заботилось о том, чтобы сироты получили начальное и среднее образование, а также отдавало детей на практику в мастерские ремесленников для приобретения профессиональных навыков. Это одна из немногих русских организаций, получавшая ввиду солидной деятельности ежегодные субсидии из государственного бюджета (15-летие Мариинского женского... 1939).

Не столь плодотворной была деятельность экономических организаций. Одни из них работали с целью облегчения социальной адаптации русских в Литве, другие же предлагали русским искать материального благополучия в иных странах мира. Например, *Ковенское русское общество мелкого кредита* оказывало помощь земледельцам в виде льготных ссуд на постройку хозяйственных сооружений, приобретение сельхозтехники, семян и т. п. (Ковенское Русское Общество... 1929). *Объединение русских эмигрантов в Литве* защищало юридические и экономические интересы беженцев из России. Оно учредило ремонтно-строительные мастерские, артель ремесленников, помогало им приобрести инвентарь, оплачивало учебу детей и т. д., но в то же время содействовало эмиграции русских в другие страны. Остальные экономические организации занимались лишь тем, что распространяли среди русских информацию об условиях работы в Африке или Южной Америке и помогали уладить необходимые для отъезда формальности (Десятилетие Объединения Русской ... 1936).

У русских не было эффективных политических инструментов, которые могли бы им лучше приспособиться к социально-экономической жизни в Литве. Подобные стремления отчасти отражались в деятельности *Демократического союза граждан Литвы русской национальности*. Усилиями этой организации рус-

скому населению прививались навыки участия в политических выборах. Член союза Евтихий Ерин в 1923 г. был избран в парламент Литвы (Сейм), а несколько других членов работали в советах городских самоуправлений. Достичь более ощутимых результатов мешали разногласия между русскими общественными деятелями, а также их неспособность сплотить русский электорат на идейной основе. С другой стороны, возможности этнических меньшинств отстаивать свои интересы в политических институтах положил конец государственный переворот в Литве 1926 г., когда с помощью военных к власти пришли таутиники во главе с Антанасом Сметоной.

Следует отметить, что русские общественные организации в связи с усилением волны литовского национализма начиная с 1926 г. вплоть до 1940 г. исполняли прежде всего «оборонительные» функции. Это не означает, что им были чужды интересы литовского общества, но сотрудничество с этим обществом ограничивалось скорее символическими актами, нежели реальным воспитанием чувства общей гражданственности (например, празднование государственных праздников и т. п.). Ответственность за это во многом падало и на литовскую сторону. Деятельность русских общественных организаций не считалась частью общей культурной жизни страны. Следовательно, она не находила отклика в литовских средствах массовой информации. За исключением строительства здания Ковенской русской гимназии литовское правительство редко оказывало русским организациям финансовую помощь или поддержку иного рода.

ВАРИАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ В ЛИТВЕ

В литовской историографии часто употребляется термин *социальная интеграция*, но даже опыт русских в межвоенной Литве свидетельствует о том, что этот термин не отражает всей сложности процесса социальной адаптации этнических меньшинств. По мнению известного литовского социолога Н. Касаткиной, на этот процесс существенно влияют изменения, происходящие с социальным статусом и идентичностью этнических групп. Успеху социальной адаптации способствуют не цели и ожидания сами по себе, но и то, как людям удастся их реализовать. Этническое большинство и этнические меньшинства могут по-разному понимать цели и успех социальной адаптации. Адаптация меньшинств может потерпеть неудачу, если большинство создает препятствия для этого или способствует формированию негативной идентичности меньшинств. Неслучай-

но адаптация в среде другого языка, культуры и религии часто требует от меньшинств дополнительных по сравнению с этническим большинством усилий. Изменения, которые происходят с социальным статусом и идентичностью этнических групп ввиду наличия подобных факторов, определяют тип социальной адаптации: интеграцию, ассимиляцию, маргинализацию или сепаратизм (подробнее см. Kasatkina, Leončikas 2003). Двадцатилетие – это короткий исторический отрезок, поэтому, естественно, в отношении русских в межвоенной Литве более логичным было бы говорить лишь о предпосылках формирования того или иного типа социальной адаптации.

Русские для межвоенного литовского общества представляли собой титульную нацию Российской империи, поэтому их образ ассоциировался с негативными воспоминаниями (русификация, колонизации и т. д.). От русских (как и других этнических меньшинств) требовали политической и гражданской лояльности, хотя редко учитывался тот факт, что для многих из них государственность Литвы стала неожиданностью. Поэтому получение русскими жителями литовских паспортов никак не означало, что они избавились от негативной идентичности со стороны большинства. Многие из русских считали Литву своей родиной (включая сюда такое ее понимание, как Ковенская или Виленская губернии), но сами они не воспринимались в качестве «своих» в литовском обществе. Русские старожилы чувствовали себя не слишком комфортно из-за постоянной необходимости опровергать этикетку «чужих» или «пришельцев». Однако следует заметить, что в литовском обществе положительно оценивались русские деятели, которые до Первой мировой войны сочувствовали литовскому национальному движению. Среди таковых, например, была семья графов Зубовых, бывший губернатор Вильны и Ковно Петр Веревкин (1861–1946), князь Илларион Васильчиков (1881–1969) и др.

Ввиду стремления литовского общества к созданию национального государства возникли предпосылки для деления граждан (не говоря уже об иммигрантах) на более и менее лояльных. Для большинства литовцев лояльность этнических меньшинств, как и успех социальной адаптации, ассоциировалась с их ассимиляцией. Р. Скипитис обратил внимание на то, что сохранению идентичности русских способствовала старообрядческая и православная вера, но он считал этот фактор недолговременным. Он полагал, что «небольшой процент иностранцев и в других странах поддается влиянию основной нации государства, и на протяжении жизни двух-трех поколений большая часть членов меньшинств переходит в ряды господствующей нации» (Skipitis 1961: 229). Известный литовский географ Казис Пакштас (1893–1960) в одной из своих работ высказал предположение, что

русские в Литве постепенно утратят свою идентичность ввиду их рассеянности на территории страны и по причине смешанных браков с литовцами (Pakštas 1929: 79). Однако интенсивность ассимиляции русских в большей степени зависела от интенсивности их отношений с литовским обществом и культурой. Знание литовского языка и обычаев создавало благоприятные условия для общения русских и литовцев не только в трудовой среде, но и в свободное время. Рассмотрим подробнее, что в ходе процесса общения с представителями титульной нации происходит с идентичностью и социальным статусом русских.

Ярким примером ассимиляции русских в Литве была семья Зубовых, многие члены которой в межвоенный период уже не считали себя русскими и, как уже отмечалось, воспринимались литовским обществом в качестве «своих». История этой семьи связана с именем графа Платона Александровича Зубова (1767–1822), который получил от российской императрицы Екатерины II в подарок Шяуляйскую экономию⁴ и другие поместья. Родоначальником семьи Зубовых в Литве считается его брат генерал российской армии Дмитрий Александрович Зубов (1764–1836). Его потомки накануне Первой мировой войны уже пользовались большим уважением в Литве за содействие литовскому национальному движению, помощи местным интеллигентам и школам. Образ хозяйствования братьев Владимира (1862–1933) и Дмитрия (1872–?) Зубовых в межвоенный период считался достойным примером для подражания, хотя Зубовы сильно пострадали от земельной реформы. Неслучайно их поместья часто посещали молодые литовские специалисты сельского хозяйства. Дети братьев Зубовых считали себя литовцами, общались на литовском, женились на девушках или выходили замуж за юношей литовского происхождения, давали своим детям литовские имена и т. п. (Skipitis 1967: 93–94)⁵ Хотя в семье были православные, в истории русской общины межвоенной Литвы Зубовы не оставили заметного следа.

Однако пример Зубовых еще не отражает хода социальной адаптации остального русского населения. Часть из них не только сохранила свою идентичности, но и достигла желаемого социального статуса, создав таким образом предпосылки для интеграции в литовское общество. К тому же русским интеллигентам была близка идея создания в Литве гражданского общества. *Демократический союз граждан Литвы русской национальности* предлагал в ходе обсуждения проекта Конституции 1922 г. идею создания широкой культурной автономии этнических меньшинств (Права национальных меньшинств 1922). Эта идея отчасти

⁴ Экономика – крупное имение, ориентированное на рынок, прежде всего зарубежный.

⁵ Интервью Натальи Касаткиной с Юрием Олсуфьевым (26.01.92). Личный архив Н. Касаткиной.

совпадала со взглядами левых литовских партий (в том числе социал-демократов), но была неприемлема для правящей партии христианской демократии. В период авторитарного правления президента А. Сметоны и партии таутиников о создании культурной автономии этнических меньшинств не могло быть и речи⁶.

Конституция Литвы, за исключением редакции 1938 г., признавала за этническими меньшинствами право развивать этническую культуру, но это право не поддерживалось соответствующими законами. Так, отсутствие закона о культурной автономии этнических меньшинств фактически способствовало ограничению их прав. Однако русские пытались наладить свою культурную жизнь, хотя многое и не удалось из-за нехватки собственных материальных ресурсов. Наиболее содержательной была культурная жизнь каунасской интеллигенции, уделявшей много внимания познанию русской профессиональной и народной культуры. Этому способствовали не только русские общественные организации, но и Государственный театр, в котором выступали русские мастера балета и где проходили гастроли артистов русской эмиграции. Русская публика с особым восторгом посещала концерты оперного певца Федора Шаляпина. Однако посещение театров был дорогим удовольствием, поэтому самым популярным средством, помогавшим русским сохранять свою самобытность, стало чтение русской литературы.

Многим русским удалось сочетать верность своей этнической культуре с достижением определенного статуса в литовском обществе. Например, профессор Л. Карсавин, за год выучивший литовский язык, успешно совмещал лекции в Ковенской русской гимназии и участие в культурных мероприятиях русской общины с научной и преподавательской деятельностью в Университете Витаутаса Великого, входил в элиту литовского общества. Он был желанным гостем на многих светских мероприятиях, а двери дома Карсавиных были всегда открыты для литовских общественных деятелей (Л. Карсавин, например, регулярно играл в шахматы с литовским писателем Винцасом Креве-Мицкявичюсом и т. п.) (*Архив Л. П. Карсавина ...* 2002). Уроженец Каунаса Анатолий Соколов (1880–1938) был многолетним старостой православного кафедрального собора и членом

⁶ А. Тыминский писал в 1936 г., что «национальные движения в наши дни во всех странах и государствах занимают главенствующее положение. Все другие вопросы – политические, социальные, экономические – отнесены на второй план <...> Народ в наше время не население данного государства, а та или другая нация. Власть народа – это власть той или иной власти <...>. Национальное движение в виде диктатуры, – несомненно, временный, стихийный, бурный период нашей эпохи; он должен смениться правовым строем, регулирующим права каждого народа, каждого человека, чтобы не быть угрозой для всего мира» (Тыминский 1936).

нескольких русских общественных организаций, а также успешно трудился в должностях каунасского окружного судьи и члена совета Каунасского городского самоуправления. Разумеется, подобным образом складывалась жизнь далеко не каждого члена русской общины.

В сельской местности и маленьких городках Литвы русская культурная жизнь была менее насыщенной, но это еще не означало, что здесь существовало больше угроз для утраты идентичности, чем в городах. Примером тому служит история и уникальные традиции старообрядцев. Важно, однако, обратить внимание на то обстоятельство, что для старообрядцев, в отличие от православных, межвоенный период стал временем оправдавшихся ожиданий. Так, член старообрядческой общины Иван Прозоров считал этот период временем свободы исповедания веры и равноправия с приверженцами других религий. Старообрядцы развивали свою церковную организацию, проводили церковные собрания, готовили наставников для старообрядческих приходов, воспитывали в вере детей и т. п. (Поташенко 2004: 32–47) Кроме того, росло число учеников-старообрядцев в школах. Некоторые из них сумели окончить Университет Витаутаса Великого. Подобное положение вещей существенно отличалось от ситуации старообрядцев в Российской империи. Поэтому образ старообрядцев в литовском обществе как замкнутой и пассивной общины не вполне адекватно отражал результат тех усилий, которые они приложили для улучшения своей социальной ситуации по сравнению с довоенным периодом. Оправдавшиеся ожидания и возможность сохранить свою идентичность способствовали интеграции старообрядцев в литовское общество.

Православная же община Литвы испытывала разочарование в связи с отчуждением у Литовской православной епархии значительной части церквей и приходского имущества. Весь межвоенный период происходило восстановление имущественных прав католических приходов, которые пострадали от решений правительства Российской империи. Стремление православных сохранить полученное таким путем имущество литовцами воспринималось как нелояльность к независимому государству и ностальгия по «единой и неделимой». Угрозой для своей идентичности православные также считали прозелитизм, который исходил со стороны католической и униатской церквей. Правительство оказывало давление на руководство Литовской православной епархии по поводу канонической связи с Московским патриархатом, но в итоге связь эта не была расторгнута, как это произошло в соседних балтийских странах (Laukaitytė 2003). В некоторых городах и сельских местностях Литвы православные церкви стали центрами русской культурной жизни. Сами богослужения обрели социальное

значение, предоставляя возможность русским побыть среди «своих», услышать церковнославянский язык и пение. Частым стало неформальное общение духовенства и прихожан во время церковных праздников. В некоторых приходах существовали культурные кружки и благотворительные сестричества. Поэтому в тех местностях, где русские сохранили свои церкви, существовало меньше предпосылок для утраты идентичности.

В случаях, когда неудовлетворенность русских достигнутым социальным статусом совпадала с утратой идентичности, следовало бы говорить о предпосылках для маргинализации. Об этом, например, свидетельствует пессимистический тон в своде отчетов православных священников, фиксировавших настроения среди прихожан: «Никаких надежд на улучшение безотрадного положения русских людей в Литве не предвидится. Сельское население планомерно и последовательно лишается своих земельных наделов (это здесь называется «земельной реформой»), служащие и рабочие уже многие уволены от службы, безработица среди русских растет... С каждым годом русское население становится все беднее и беднее. Изгнанные с насиженных земель русские крестьяне из хозяев обращаются в батраков, ютятся в невероятных жилищах: маленькие лачужки, курные; с чуть заметными окнами, едва пропускающими свет; вместе с курами и поросятами; дым разъедает глаза, дети страдают от чесотки и других накожных болезней... Где тут думать об обучении их грамоте или о церкви... Борьба за существование, за кусок насущного хлеба обостряется, ожесточает людей, развивает эгоизм, полную апатию к общественной деятельности и стремление уйти, укрыться куда-нибудь от печальной действительности: в Бразилию, Аргентину, Советскую Россию» (Из годовых отчетов ... 1929).

Своеобразное исключение составляли представители белой эмиграции, которые в Литве и многих других странах Европы поначалу не ставили себе цели интегрироваться в местное общество. Их социальная адаптация, при условии верности этнической культуре, приняла форму сепаратизма, причем по собственной воле. Однако в Литве русские беженцы из-за отсутствия собственных ресурсов не имели возможности жить в исключительно русской среде, как, например, их товарищи по несчастью в некоторых кварталах Парижа. Поэтому когда окончательно развеялись надежды на скорый возврат на историческую родину, у некоторых мигрантов появилось стремление к интеграции в общество Литвы. Часть из них оставались «нансенистами» вплоть до 1940 г., но другие предпочли этому статусу гражданство Литвы. Следует отметить, что в соответствии с литовским законодательством возможность для натурализации неграждан появилась спустя 10 лет после восстановления независимости Литвы. Редким исключением

являлось предоставление правительством гражданства иностранцам за заслуги перед литовским государством и т. п. Подобной чести, например, удостоился профессор Л. Карсавин. В целом же опыт русских мигрантов показывает, что социальная адаптация не имеет конечного исхода. Это динамический процесс, в ходе которого меняются ожидания и цели, а вместе с тем и тип социальной адаптации этнических групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Социальная адаптация – это динамический процесс, когда происходит взаимодействие разных групп общества (этнических, культурных, религиозных и т.п.), причем результат этого процесса по большому счету определяет изменения, которые происходят в социальном статусе и идентичности индивидов или их групп.

Социальная адаптация русских в межвоенной Литве служит примером того, что у граждан разных национальностей был разный взгляд на социальное развитие страны. Ввиду этого характер отношений между этническим большинством и этническими меньшинствами, признаки этнической дискриминации и воспитание гражданственности являются важными объектами рассмотрения не только сегодняшних, но исторических обществ. Опыт социальной адаптации русских в межвоенной Литве (как позитивные, так и негативные примеры) является ценным объектом познания для нынешней русской общины несмотря на то, что современный литовский политический, социально-экономический и культурный контекст несопоставим с контекстом межвоенного периода. Взгляд в исторической перспективе полезен в плане сравнения и оценки условий, имеющихся для культурного самовыражения и достижения желаемого социального статуса этнических меньшинств в авторитарном и в демократическом государстве.

Соответственно, результаты социальной адаптации русских в межвоенной Литве подтверждают тот факт, что не только у граждан разных национальностей, но и среди членов одной этнической группы (меньшинства) существовали весьма разные цели и ожидания. Оценки, не учитывающие гетерогенности русской общины, приводят к формированию весьма обобщенных образов и стереотипов. Преобладание негативной идентичности русских в обществе межвоенной Литве – наглядный тому пример.

С другой стороны, взаимодействие русских с литовским обществом, ввиду гетерогенности русской общины, не могло складываться по единому сценарию.

Поэтому более объективным было бы говорить о наличии различных сценариев социальной адаптации (ассимиляции, интеграции, сепаратизма, маргинализации) русских в межвоенной Литве. Следует также отметить, что редкие проявления среди русских неудовлетворенности достигнутым социальным статусом еще не означали успеха их социальной адаптации. На протяжении практически всего двадцатилетия в стране существовала цензура средств массовой информации. В таких условиях русским было сложно выражать собственный взгляд на социальное развитие страны и вместе с тем отрицать образы негативной идентичности, которые присваивались им со стороны литовского общества вплоть до 1940 г.

Нередко не принимается во внимание то обстоятельство, что утрата государственности Литвы была болезненна не только для литовцев или евреев, но и для многих русских, успешных, несмотря на различные социальные проблемы, найти свое место в литовском обществе, усвоить литовскую культуру и традиции. Очевидно, что в борьбе с «врагами народа», которая охватила Литву в первые годы советской оккупации и продолжалась после Второй мировой войны, не существовало грани между русскими и «другими». Все русские, которые адаптировались в межвоенной Литве, т. е. достигли желаемого социального статуса, владели недвижимым имуществом, сохранили религиозную идентичность или принимали активное участие в общественных организациях, стали потенциальными жертвами репрессивных органов Советского Союза. Трагическую судьбу части из них следует считать потерей не только для русского, но и для всего общества межвоенной Литвы. Русские в Литве советского периода – это уже люди другой политической эпохи и иной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Garšva B., 1930. Svetimšaliai darbo srityj Lietuvoj. *Tautos ūkis*. Nr. 1, 5–6.
Lietuvos gyventojai: pirmojo 1923 metų rugsėjo 17 dienos surašymo duomenys, [1925]. Kaunas: Lietuvos Respublika. Finansų ministerija.
- Pakštas K., 1929. *Baltijos respublikų politinė geografija: politinės geografijos problemos, nagrinėjamos atsižvelgiant į Baltijos tautų likimą*. Kaunas: Spindulys.
- Rimka A., 1918. *Lietuvos ūkis prieš Didįjį karą: statistikos tyrinėjimai*. Vilnius: Lietuvos mokslo draugija.
- Skipitis R., 1961. *Nepriklausomą Lietuvą statant: atsiminimai*. Čikaga: Terra.
- Skipitis R., 1967. *Nepriklausoma Lietuva: atsiminimai*. Čikaga.
- Архив Л. П. Карсавина (L. Karsavino archyvas): *šeimos paštas, nespausdinti darbai*, 2002. Kn. 1. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla.

- Десятилетие Объединения Русской Эмиграций в Литве, 1936. *Новые дни*. № 5, 11 апреля.
- Из годовых отчетов по приходам, 1929. *Голос Литовской православной епархии*. № 1–2.
- Интервью Натальи Касаткиной с Юрием Олсуфьевым (26 января 1992 г.). *Личный архив Н. В. Касаткиной*.
- Ковенское Русское Общество Мелкого Кредита (Русский Банк), 1929. *Эхо*. № 27, 1 января.
- Права национальных меньшинств, 1922. *Эхо*. 29 марта.
- Секретное сообщение председателя Центральной комиссии по проведению переписи Антанаса Меркиса от 6 июля 1923 г. № 508 председателю комиссии по проведению переписи Биржайского-Пасвальского уезда. *LCVA*, ф. 1381. оп. 1, д. 113, л. 41.
- Сообщение Министерства просвещения Литвы от 23 июля 1926 г. № 7941 директору Ковенской русской гимназии А. Тыминскому. *LCVA*, ф. 391, оп. 2, д. 513, л. 192.
- Список учеников Ковенской русской гимназии и профессии родителей на 1932/33 учебный год. *LCVA*, ф. 391, оп. 2, д. 519, л. 12–18.
- Статистические сведения о числе бесподданных в Литве за последнее десятилетие, 1937. *Новые дни*. № 38, 17 сентября.
- Съезд русских учителей, 1928. *Эхо*. 19 апреля.
- Тыминский А., 1928. Русская школа в Литве: Первый съезд русских учителей и деятелей просвещения в Литве. *Русская школа за рубежом*. № 24. Прага.
- Тыминский А., 1928. Русская школа в Литве: Второй съезд русских учителей и деятелей просвещения. *Русская школа за рубежом*. № 28. Прага.
- Тыминский А., 1931. Русская общественная жизнь в Литве. *Русский календарь на 1932 г.* Ковно, 1–17.
- Тыминский А., 1936. День русского ребенка. *Голос Литовской православной епархии*. № 8.
- Жуков А., 1937. По Восточной Литве. *Новые Дни*, 17 сентября.
- 15-летие Мариинского женского благотворительного общества, 1939. *Голос Литовской православной епархии*. № 5–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Andriulis V., Mockevičius R., Valeckaitė V., red. 1996. *Lietuvos valstybės teisės aktai (1918.II.16–1940.VI.15)*. Vilnius: Teisės institutas.
- Kasatkina N., 1994. *Rusų inteligentijos integracija į tarpukario metų Lietuvos kultūrą*. Disertacija socialinių mokslų daktaro laipsniui gauti [rankraštis]. Vilnius: Filosofijos, sociologijos ir teisės institutas.
- Kasatkina N., 2001. Biografinio metodo taikymo galimybės Pirmosios Lietuvos Respublikos rusų inteligentijos tyrime. In: Ковтун А., ред. *Русские в Литве (1918–1940): определение проблемы = Rusai Lietuvoje 1918–1940 m.: problemos apibūdinimas*. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики. Каунас: VDU leidykla, 7–22.
- Kasatkina N., Leončikas T., 2003. *Lietuvos etninių grupių adaptacija. Kontekstas ir eiga*. Vilnius: Eugrimas.
- Kasatkina N., Marcinkevičius A., 2009. *Rusai Lietuvos Respublikos visuomenėje 1918–1940 m.: Istorinės retrospektyvos konstravimas*. Vilnius: Eugrimas/Socialinių tyrimų institutas.

- Kaubrys S., 2000. *Lietuvos mokykla 1918–1939 m.: galios gintis*. Vilnius: Vieš. įstaiga „Statistikos tyrimai“.
- Lasinskas P., 1996. Levo Karsavino veikla Vytauto Didžiojo universitete 1927–1939 metais. *Darbai ir dienos*, 2(11), 21–48.
- Lasinskas P., 1998. Ivanas Lappo – Vytauto Didžiojo universiteto profesorius. *Lituanistica*. 3, 3–20.
- Lasinskas P., 2006. Kauno mokytojų draugijos gimnazija ir Aleksandras Timinskis (1920–1940). *Lituanistica*. 2, 89–95.
- Laukaitytė R., 2003. *Staciatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje*. Vilnius: Lietuvos istorijos institutas.
- Laukaitytė R., 2010. Imperijos epilogas Lietuvoje: rusų emigrantai 1918–1940 m. *Istorija*. 2, 25–33.
- Marcinkevičius A., 2003. Kauno staciatikių draugijos 1918–1940 m. *Lietuvos istorijos studijos*. 11, 34–46.
- Marcinkevičius A., Kaubrys S., 2003. *Lietuvos Staciatikių Bažnyčia 1918–1939 m.* Vilnius: Vaga.
- Šetkus B., 2000. *Tautinių mažumų mokykla Lietuvoje 1918–1940 metais*. Disertacija socialinių mokslų (edukologijos) daktaro laipsniui gauti [rankraštis]. Vilnius: Vilniaus pedagoginis universitetas.
- Vėbra R., 1990. Lietuvių visuomenė XIX a. antroje pusėje: socialinės struktūros bruožai. Vilnius: Mokslas.
- Ковтун А., 2003. Русский мир Каунаса (Культурное общество в 1918–1940 г.г.). *Darbai ir dienos*, 34, 145–176.
- Лавринец П., 1999. *Русская литература Литвы: XIX–первая половина XX века*. Учебно-методическое пособие. Вильнюс: Вильнюсский университет.
- Лавринец П., 2001. Русская литература Литвы в 1918–1940 г.г.: Объем понятия. In: Ковтун А., ред. *Русские в Литве (1918–1940): определение проблемы = Rusai Lietuvoje 1918–1940 m.: problemos apibūdinimas*. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики. Каунас: VDU leidykla, 62–77.
- Лавринец П., 2008. Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца = *Eugenijus Škliaras: klajūno gyvenimo kelias*. Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета.
- Морозова Н., Чекмонас В., 1997. Проблемы языковой интеграции староверов в литовской обществе. In: Ясинская Т., сост. *Русские Прибалтики: механизм культурной интеграции (до 1940 г.)*. Вильнюс: Русский культурный центр, 102–117.
- Новиков Ю., Шадрин Т., подгот. 1992. *Русские пословицы Литвы: Из собрания Елизаветы Колесниковой*. Вильнюс: Vaga.
- Новиков Ю., сост. 1999. *Живое слово: фольклор русских старообрядцев Литвы*. Вильнюс: Вильнюсский педагогический университет.
- Новиков Ю., сост. 2005. *По заветам старины: мифологические сказания, заговоры поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы*. Санкт-Петербург: Тропа Троянова.
- Поташенко Г., 2001. Русские Литвы в 1918–1940 г.г.: государство, Старообрядческая церковь, лояльность староверов. In: Ковтун А., ред. *Русские в Литве (1918–1940): определение проблемы = Rusai Lietuvoje 1918–1940 m.: problemos apibūdinimas*. Vytautas Magnus University. Факультет гуманитарных наук. Центр славистики.
- Поташенко Г., 2003. Русские староверы Польши и Литвы в 1920–1930 г.г. (по материалам старообрядческой печати). *Балтийский архив* 7, 60–84.
- Поташенко Г., 2006. *Староверие в Литве: вторая половина XVI – начало XIX вв.: Исследования, документы и материалы*. Vilnius: Aidai.

- Тишков В. А., 2003. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука.
- Раев М., 1994. *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939*. Москва: Прогресс-Академия.
- Флейшман Л., Равдин Б., 2007. *Балтийско-русский сборник II: Материалы по истории русской жизни в Каунасе и Риге. Из архива Гуверовского института*. Stanford.